

Три военные недели Днепрпетровск жил ожиданием катастрофы. Гитлеровцы ошалело лезли вперед по всему фронту, не считаясь с героическим сопротивлением советских войск и собственными потерями. Поэтому днепрпетровцы готовились встретить врага во всеоружии. Повсеместно были вырыты огромные щели для укрытия людей, была создана система зенитной обороны, организованы народные дружины, а также заградительные отряды для уничтожения испытанного фашистского средства — дещанта.

В 1942 году после декабрьского московского контрнаступления все были полны решимости окончательно разгромить врага в ближай-

шие месяцы. Комсомольские лидеры района и завода Р. Леонова и М. Салдава призвали удвоить и утроить усилия. Полна решимости была и комсомольца ново-механического. В. Патюкова, А. Гусева, П. Крайнова и другие держали в поле зрения каждого из молодых новичков. Заботились, чтобы они вовремя получали сменные задания, осваивали передовые методы, работали без брака. Организовывали, конечно, и досуг — политинформации, лыжные кроссы, кино, театр. В один из дней подошла к Володе Шеру В. Патюкова: «Почему не вступаешь в комсомол?» И верно. Он, активный пионер, лидер в школе ФЗО, и здесь был всегда в гуще дел. Вскоре и его самого избрали комсоргом отделения, где он трудился.

Главным было дело. Металла токарям всегда хватало — только успевай крутиться. С первых месяцев войны на металлургическом комбинате крепло движение фронтовых бригад. То были лучшие из лучших комсомольско-молодежных коллективов. И так сложилось, что токари НМЦ

задавали тон по всему комбинату. Читаем «Магнитогорский металл» военных лет. Начало 1942 года. На ММК — 12 фронтовых бригад. То и дело мелькают фотографии, очерки о лучших токарях-операционниках ново-механического. Полторы, две, три нормы дают лучшие. Наконец, Ольга Пасулько переходит на обслуживание одновременно двух станков и ставится пяти-

сотницей, то есть выполняет норму на 500 процентов. За год до Победы, к очередному Первомаю, лидер комсомольцев ММК Б. Буйвид с гордостью заявляет, что на комбинате работают 112 фронтовых бригад, а один из цехов удостоен этого звания в полном составе. И цех этот — ново-механический. Как было не порадоваться начальнику цеха М. Куперману за своих молодых подопечных и их организаторов — комсомольских активистов, в числе которых был и Владимир Шер. Его лично отмечали в приказах директора комбината Г. И. Носова, награждали премиями и подарками (свитером, валенками и т. д.).

Сталин указал, что забота о семьях фронтовиков есть половина заботы о Красной Армии. И в свободное от работы время молодежь готовит обувь и одежду, мануфактуру и материалы для детей военнослужащих. На собранных комсомольцами миллионах рублей был открыт магнитогорский детский дом для детей, лишившихся родителей. Сам Сталин прислал в Магнитку телеграмму со своим горячим приветом и благодарностью от Красной Армии.

Сорок третий год страна встречала в ожидании исхода битвы под Сталинградом. А когда город Сталина был освобожден и наши войска безостановочно погналы гитлеровцев во вражеское логово, Магнитогорск решил для восстановления города на Волге послать подарок. Да какой! 28 вагонов с предметами быта, сельскохозяйственными орудиями, различной утварью, собранными от чистого сердца или изготовленными на субботниках бесплатно. И весомость заслуг в этом ново-механического цеха, его ребят и девчат была отмечена тем, что в тройке представителей города с эшеленом поехала и бригада токарей цеха В. Патюкова...

А у Владимира Шера появились новые ответственные поручения. Он подан заявлением и был принят кандидатом в ВКП(б)...

Победа была близка, но хотелось приблизить ее и своим непосредственным участием. Молодые парни после смены осаждали военкомат. Однажды их выстроили, выкрикнули ряд фамилий, среди которых было и Владимир. Но оказалось, что это были именно те люди, на которых накладывалась бронь, которые нужнее были здесь, на комбинате. Так и пришлось В. Шеру до самой Победы работать на трудовом фронте.

Фронт и тыл

И все-таки первый налет «Юнкерсов» оказался неожиданным. Город уже уснул, когда в одиннадцать часов вечера вдруг озарился, словно солнечным днем, десятками вражеских ракет. Наши зенитки били и по самолетам, и по ракетам, но налет был столь мощным, а бомбежка столь массивной, что потери и разрушения были очень внушительными. И хотя утром эти места были тщательно оцеплены, выставлена охрана для недопущения любопытных и роста паники, стало ясно — Днепрпетровск стал фронтовым городом. Началась эвакуация на Восток.

В тот первый налет Володя Шер работал в ночную смену. Недавний выпускник школы-восьмилетки он поступил в школу ФЗО, теперь трудился токарем на военном заводе, точил снаряды, которые он как нужны были на передовой. В ту ночь он не растерялся, как многие. Привыкший лидерствовать в своей подростковой среде, он и здесь больше думал не о собственном спасении, а о других. Невесте откуда взявшаяся близости роженица от страха «надумала» рожать. Что делать? Повели ее в медпункт. Но куда там молоденькой медсестре до родов! Так и приняли малыша сами. Вокруг лилась кровь, гибли люди, а подростки подарили свету новую жизнь...

Недолгим был фронтовой период Владимира. Эвакуация с госпиталем в Ворошиловград, потом переезд на Урал. Так он стал магнитогорцем, провел здесь не только военные годы, но и, не считая время службы, мирные десятилетия.

Тыл. Сколько лет с чьей-то «высокой» подкаски писатели и журналисты исправно дегероизировали его тружеников! И жить здесь было легко, и любить тыловика было позорно, не то, что фронтовика, и... А как было на самом деле?

После выздоровления Володя некоторое время слесарил в слесарской, а с пуском на базе эвакуированного завода ново-механического цеха вернулся к уже освоенной специальности токаря. «Догнать и перегнать» — были такие ДИП-станки. На таких станках различных модификаций и трудился до самой Победы юный токарь.

Трудно было. Жили в бараке, на месте которого ныне очистные сооружения четвертого и пятого листопркатного цехов. Символично, что руководил их строительством инженер Шер. Но

сти окончательно разгромить врага в ближай-

шие месяцы. Комсомольские лидеры района и завода Р. Леонова и М. Салдава призвали удвоить и утроить усилия. Полна решимости была и комсомольца ново-механического. В. Патюкова, А. Гусева, П. Крайнова и другие держали в поле зрения каждого из молодых новичков. Заботились, чтобы они вовремя получали сменные задания, осваивали передовые методы, работали без брака. Организовывали, конечно, и досуг — политинформации, лыжные кроссы, кино, театр. В один из дней подошла к Володе Шеру В. Патюкова: «Почему не вступаешь в комсомол?» И верно. Он, активный пионер, лидер в школе ФЗО, и здесь был всегда в гуще дел. Вскоре и его самого избрали комсоргом отделения, где он трудился.

Главным было дело. Металла токарям всегда хватало — только успевай крутиться. С первых месяцев войны на металлургическом комбинате крепло движение фронтовых бригад. То были лучшие из лучших комсомольско-молодежных коллективов. И так сложилось, что токари НМЦ

задавали тон по всему комбинату. Читаем «Магнитогорский металл» военных лет. Начало 1942 года. На ММК — 12 фронтовых бригад. То и дело мелькают фотографии, очерки о лучших токарях-операционниках ново-механического. Полторы, две, три нормы дают лучшие. Наконец, Ольга Пасулько переходит на обслуживание одновременно двух станков и ставится пяти-

сотницей, то есть выполняет норму на 500 процентов. За год до Победы, к очередному Первомаю, лидер комсомольцев ММК Б. Буйвид с гордостью заявляет, что на комбинате работают 112 фронтовых бригад, а один из цехов удостоен этого звания в полном составе. И цех этот — ново-механический. Как было не порадоваться начальнику цеха М. Куперману за своих молодых подопечных и их организаторов — комсомольских активистов, в числе которых был и Владимир Шер. Его лично отмечали в приказах директора комбината Г. И. Носова, награждали премиями и подарками (свитером, валенками и т. д.).

Сталин указал, что забота о семьях фронтовиков есть половина заботы о Красной Армии. И в свободное от работы время молодежь готовит обувь и одежду, мануфактуру и материалы для детей военнослужащих. На собранных комсомольцами миллионах рублей был открыт магнитогорский детский дом для детей, лишившихся родителей. Сам Сталин прислал в Магнитку телеграмму со своим горячим приветом и благодарностью от Красной Армии.

Сорок третий год страна встречала в ожидании исхода битвы под Сталинградом. А когда город Сталина был освобожден и наши войска безостановочно погналы гитлеровцев во вражеское логово, Магнитогорск решил для восстановления города на Волге послать подарок. Да какой! 28 вагонов с предметами быта, сельскохозяйственными орудиями, различной утварью, собранными от чистого сердца или изготовленными на субботниках бесплатно. И весомость заслуг в этом ново-механического цеха, его ребят и девчат была отмечена тем, что в тройке представителей города с эшеленом поехала и бригада токарей цеха В. Патюкова...

А у Владимира Шера появились новые ответственные поручения. Он подан заявлением и был принят кандидатом в ВКП(б)...

И они не подкачали... Май сорок пятого запомнился В. Шеру тем, что ему первым из цеховиков довелось услышать из сводки Совинформбюро о капитуляции Германии. Не чуя под собой ног, Владимир рванул в родной коллектив, вскочил на первое попавшееся возвышение и заорал что есть сил: «Ура! Победа!» Беда была на всех одна, но и Победу ковали единым фронтом — на передовой и в тылу. И пусть Владимир был рядовым в этой армии спасения человечества от фашистской чумы, он сделал и свой вклад в Великую Победу.

Надо признать, что военное лихолетье наложило свой отпечаток, да что там — сформировало его как личность навсегда. И куда бы ни бросала его судьба (а служить довелось в Сибири и на Дальнем Востоке, не танкистом стал он, а моряком), везде Владимир Шер чувствовал себя в хорошем смысле хозяином страны.

После возвращения в Магнитогорск В. Шер пошел, конечно, снова на родной комбинат, ему было доверено вести многие экологические объекты, да и другие на промплощадке ММК как инженера управления капитального строительства. По-партийному требовательный к себе, он был строг и принципиален и с коллегами, и с вышестоящим начальством. Став директором комбината, И. Ромазан благодарил за выучку В. Шера, который, случалось, воспитывал за упущения и Ивана Харитоновича. После выхода на пенсию Владимир Яковлевич, недавний партийный активист УКСа, возглавил совет ветеранов этого управления комбината. И что ему эта работа удается, говорит факт избрания в совет ветеранов ММК, где он возглавил культурно-массовую комиссию — едва ли не самую хлопотную. Сам пел всегда — с малых лет, пел и в армии, и в хоре местного дворца. Телефон дама не умолкает, но жена Валентина Александровна понимает это. Ведь и сама — председатель совета ветеранов ЦРМО-3...

... А убежденный Владимир Яковлевич Шер не меняет. Он не ринулся в демократы-рыночники-ларечники, а остался все таким же — ответственным в поступках, взвешенным в суждениях, мягким в отношениях с людьми. Недавний секретарь парторганизации и председатель товарищеского суда микрорайона, он и ныне активен во всем. Много внимания уделяет саду «Дружба», где он — заместителем председателя. И в этом он весь, рядовой возрождающийся Коммунистической партии РФ Владимир Шер.

... В семейном альбоме на видном месте красуется комсомольский билет. А партийный билет и ныне не спрятан им, коммунистом с полувековым стажем.

А. МЯГКОВ.

На одной из тысяч военных дорог

(Окончание. Начало в №№ 199, 202–203, 207–208, 212–213, 216, 226–227).

По-видимому, немцы решили окончательно разделаться с нами, подмять под гусеницы, а от нашей огневой позиции не оставить и следа. Из-за укрытий непрерывно была вражеская артиллерия, и частые вспышки у наблюдателей орудийных стволов, словно световые сигналы, не давали нам поднять головы. А нам, между прочим, незачем было и поднимать головы, ибо нечем было отстреливаться и мы готовили связки гранат. От непрерывной стрельбы из автоматов и пулеметов пули роили над нами, правда, без ущерба для нас.

— Джу-у-у! — отгрохотала от брони болванка и с шипеньем и скрежетом улетела в сторону горевших машин под откосом.

Двести... сто пятьдесят... сто метров до автоматчиков. Вражеская артиллерия перенесла огонь к оврагу. Вот уже отчетливо видны отшлифованные башмаки гусениц, в глазах мельтешат бегущие фигуры. Автоматчики и те, кто имел ПТР, усиленно отстреливались, а те, у кого не было противотанковых ружей, торопливо готовили связки гранат.

Сержант Цветков сквозь дым и разрывы увидел метра в тридцати-сорока мчавшийся на него с бешеной скоростью танк. Наводчик не растерялся и, не целясь, выстрелил в упор. Выстрел и взрыв слились в единое, оглушив его. Танк дернул ствол вверх и встал. А справа и слева от подбитого танка наползли до десятка других машин. В ход пошли противотанковые гранаты и связки ручных. И вскоре с небольшим интервалом остановилось еще пять танков. Но с подюжины ворвались на огневую позицию и начали утюжить. Свет перевернулся, началась страшная свалка. Все трещало, скрежетало, ревели и стонали. На расчет Цветкова справа, раздавив соседнюю гаубицу, напал «тигр». «Все!» — промелькнуло в голове у командира. Он машинально, с несвойственным ему проворством схватил противотанковую гранату, не бросил ее, а швырнул под левую гусеницу, а сам упал рядом с орудием. Цветков не слышал взрыва. Громадину тряхнуло направо, а потом медленно машина повернулась влево, наехав гусеницей на станину орудия, рядом с которой без сознания лежал сержант...

Автоматчики под командованием раненого и истекающего кровью капитана Сормова продолжали отражать натиск наступающей пехоты.

— Не дать прорваться пехоте на огневую, — думал капитан, — иначе все пропало!

Но фашисты неистово рвались к огневой. Эшелон за эшеленом они приближались перебежками, бесприцельно стреляя. Наши пулеметы, размещенные по флангам, открыли кинжальный огонь. Ряды немцев дрогнули и залегли. Пулеметчики не давали им подняться, пока на огневой пытались разделаться с танками. Кто-то в отчаянии бросился со связкой гранат под танк — и тот встал. Кто-то из карабина ссадил пулю за пулей в щель поворота башни, кто-то пытался попасть в смотровую щель и разбить стекло, кто-то падал, скошенный очередью из танка... Силы были слишком неравными. Спасти положение мог только таран. Первым рванулся сержант Караваев, врвался в «Тигра» и опрокинул его набок. Его примеру последовали другие водители. И немцы, не выдержав беспощадной схватки и оставив на позиции до десятка машин, начали откатываться назад. Их отступление не сопровождалось шквалом нашего огня, лишь одинокие бронебойщики, как бы для приличия, украсили их бегство. С танками отхлынула и пехота...

Сержант Цветков очнулся, когда на позиции стояла мертвая тишина. Голова трещала, ломило невыносимо ногу. В раскаляющемся сознании мелькало: «Где я? Что со мной?» Он, превозмогая боль, опираясь руками о гусеницу «Тигра», приподнялся, сел к ней спиной и осматривал ноги. Правая нога была раздавлена танком и часть ее безжизненно свисала со станины. Ее оставалось только отрезать, что он и сделал с большими муками и трудом. Мало-малыски придя в себя, увидел лежащего рядом наводчика. Тот слабо шевелил губами, видимо, прося пить. Он приложил клок мокрой ваты к губам Горбунова и окончательно потерял сознание...

Его заметили из группы оставшихся в живых, сгрудившихся вокруг подполковника и разбитого танка. Несколько человек подбежали к сержанту, подхватили на руки. Цветков не стонал. Первыми его словами были: «Победа, братцы! Выстояли!»

Вскоре мы услышали стрельбу в городе. Стало ясно, что основные силы фронта входили в город. А через пару часов на наше побоище приехал со своим штабом в сопровождении бронетранспортера ст. лейтенанта Рудакова командующий корпусом. Он обошел позицию, принял непосредственное участие в отправке раненых и в похоронах убитых. На небольшом холме польской земли выросла большая братская могила с доской, на которой были перечислены фамилии и звания погибших...

Так закончились четвертые сутки прорыва на одной из тысяч военных дорог бронетанковой колонны гвардии подполковника Анатолия Ивановича Тарасенко. Оставшихся в живых отвели в городок, покававшийся теперь не таким уютным и зловещим, как сутки назад. Разместили по квартирам, накормили отменным ужином. Спустя час почтальон Антошка привез полную сумку треугольников. Только горько, что большинство из них осталось в сумке. Так уж бывает на войне: адресат выбыл. Навечно...